

Ежи В. Борейша

1905 — 1952

Валерий Врублевский

в период франко-прусской войны и Парижской Коммуны

перевод *В. А. Дьякова*

Французский ежегодник 1971

М.: Наука. 1973. С.47-69

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

Валерий Врублевский (1836—1908) получил в польском обществе широкую известность как повстанческий командир на территории Гродненской губернии, в Подлясье и на Люблинщине во время восстания 1863 г. Однако в то время его знали только соотечественники. Позже Врублевский был одним из руководителей наиболее значительной группы польских политических эмигрантов — Объединения польской эмиграции. Но его место в истории польского и международного рабочего движения определили не участие в восстании 1863 г. и последующая деятельность в эмиграции, а восемь недель борьбы в рядах парижских коммунаров.

I

19 июля 1870 г. глава французского правительства Э. Оливье объявил войну Пруссии. Толпы парижан, убежденных, что Вторая империя победит маленькую Пруссию, высыпали на бульвары с криками: «На Берлин! На Берлин!»

Валерий Врублевский, которому в Представительном комитете Объединения польской эмиграции были поручены военные вопросы, в атмосфере всеобщего возбуждения призывал соотечественников к рассудительности. 22 июля Представительный комитет выпустил воззвание к эмиграции, призывающее к готовности, но предостерегающее от преждевременных надежд. Умеренный лондонский «Глос Вольны», анализируя действия руководства Объединения, выразил в августе 1870 г. надежду, что Комитет не думает «настаивать на участии в социалистических опытах, для которых пора еще не настала»¹.

После объявления войны среди польской эмиграции возникло несколько направлений. «Отель Лямбер» и белые считали, что если война будет оборонительной и будет вестись на французской территории, надлежит держать сторону Франции. Наиболее радикальные эмигранты (их было немного) призывали воздержаться от участия в борьбе двух монархических правительств. Однако после первых побед прусской армии у них возникли симпатии к Франции. Радикалы полагали, что франко-прусская война может вызвать внутренние революционные потрясения.

Война ускорила консолидацию эмиграции. 8 августа произошло слияние Объединения польской эмиграции с Демократическим обществом. В тот же день была создана Временная комиссия польской эмиграции в Париже, опиравшаяся главным образом на правые силы. Возглавляли ее генералы Юзеф Чалский и Юзеф Высоцкий.

¹ «Głos Wolny». 20.VIII 1870, N 253—254, s. 1020.

В первых заседаниях Комиссии принимал участие Валерий Врублевский. 15 августа, например, у Юзефа Галензовского он вместе с Юзефом Чапским, Эдмундом Ружицким, Генриком Енджейевичем и Титусом Обырном (Гжималой) обсуждал вопрос о создании польского легиона². Но вскоре, в отличие от своего друга Юзефа Токажевича, Врублевский отказался от сотрудничества с Временной комиссией именно из-за отсутствия в ней радикальных элементов. 20 августа Францишек Лятковский — доверенное лицо Врублевского — заявил: «Необходимо, чтобы поляки-эмигранты, живущие в Париже, приняли участие не только в обороне города, но и в войне, которая в связи с ожидающимся падением Наполеона III приобретет характер всенародный и революционный, выдвинет перед поработенными народами лозунг свободы»³.

23 августа Временная комиссия пригласила эмигрантов записываться в польский отряд, формирующийся для участия в войне на стороне Франции. В первые же дни записалось около 380 добровольцев. Командиром был выбран генерал Михал Гейденрейх (Крук). Ксаверий Браницкий ассигновал полмиллиона франков на нужды отряда и помощь раненым французским солдатам.

Сразу после провозглашения Франции республикой — 5 сентября 1870 г. — Временная комиссия опубликовала обращенное к правительству национальной обороны письмо, которое гласило: «Граждане! С самого начала войны, которую издавна благосклонная к нам Франция ведет с самым коварным из наших врагов — Пруссией, польские эмигранты предлагали свои услуги нынешнему правительству. Учитывая, однако, что политические соображения создают препятствия организации отряда под национальным флагом Польши, мы поставили вопрос: какую позицию может занять та часть эмиграции, которая желает принять участие в борьбе на стороне Франции. Вопрос этот остался без ответа. Вследствие этого многие из нас вступили в ряды «вольных стрелков» или Иностранного легиона... Возобновляем наше предложение правительству, опираясь на новые принципы. Ибо мы обращаемся теперь не к монархическому режиму, а к республиканской Франции, обращаемся как граждане свободной и республиканской нации, угнетаемой теми самыми деспотами, которые ныне мечтают об уничтожении республиканской Франции. Мы не знаем, какой оборот примут военные действия, не знаем, ограничится ли правительство национальной обороны изгнанием неприятеля с французской земли или смело поднимет, как в 1792 г., знамя европейской революции. Во всяком случае, мы свидетельствуем, что со всей горячностью готовы отдать в помощь ему наши в настоящее время еще слабые силы. Мы спрашиваем вас, уважаемые граждане, от имени наших соотечественников, какую позицию мы, по вашему мнению, должны занять, чтобы наиболее эффективно содействовать спасению Франции и цивилизации, и не преждевременно ли, не опасно ли формирование польского отряда под национальным флагом?»⁴ Эмигранты вручили это послание министру Э. Араго, известному симпатиями к Польше.

В ожидании ответа генерал Гейденрейх (Крук) 7 сентября устроил совместно с командирами рот смотр отряду. Затем он отправился узнать о решении. Переговоры продолжались целый день. Только под вечер Гейденрейх и генерал Гона обменялись следующими фразами.

«Гейденрейх (Крук): ...Мы хотим бороться в отдельном формировании, чтобы подтвердить этим, что мы разделяем чувство солидарности, связывающей Францию с Польшей.

Гона: Предлагаемое формирование имеет политический характер, поскольку над ним, хотя и не в открытую, будет поднят польский флаг...

² M. Złotorzycka. Próby utworzenia oddziału polskiego w czasie oblężenia Paryża przez Prusaków (1870—1871). — «Niepodległość», 1935, № 11, s. 331.

³ Ibid., s. 333.

⁴ Ibid., s. 338—339.

Еще один совет. Во время атаки идите на валы поодиночке. Мы будем счастливы, давая вам кепи и ружья, потому что убеждены: они вверены в хорошие руки.

Гейденрейх: Но в случае, если мы попадем в плен к пруссакам, они расценят нас как бандитов.

Гона: Идите группами!

Генерал Гейденрейх (Крук), сильно взволнованный таким разговором, вышел не попрощавшись»⁵.

В середине сентября, после длительных проволочек, правительство национальной обороны отвергло предложение об участии самостоятельного польского отряда в боевых действиях на стороне Франции. Через несколько дней кольцо прусских войск замкнулось вокруг Парижа. Члены правительства, среди которых было немало людей, давно сочувствовавших Польше, избегали официальных упоминаний о переговорах с поляками, не желая вызывать недовольства России, ибо возлагали на ее помощь тщетные, как оказалось, надежды.

Осенью 1870 г. эмигрантский журналист Бронислав Воловский пытался сформировать польский легион на юге Франции. Первоначально он не получил согласия министерства иностранных дел, которое после эвакуации из Парижа пребывало в Туре. Получил он отказ и от городских властей Лиона. В октябре попечение над легионом приняли на себя Гамбетта и Гарибальди. Воловский обратился за помощью к Ярославу Домбровскому, назначенному командиром легиона. Домбровскому, однако, не удалось пробраться в Лион через прусские линии. Он приехал из Парижа только 20 февраля 1871 г., когда польский легион уже расформировывался.

Фактически командование легионом принял полковник Титус Обырн (Гжимала), повстанец 1863 г. и участник битвы под Седаном. В легион прибывали соратники Воловского по его действиям на юге Франции, польские эмигранты из Швейцарии, Италии и Турции. Десятки добровольцев из Галиции, мечтавшие попасть в это формирование, штурмовали французское посольство в Вене. Немало было перебежчиков из прусской армии. Легион насчитывал свыше 200 человек. Но он так и не был введен в действие. Изпод командования Гарибальди он был передан в состав так называемого Звездного корпуса (Corps de l'Etoile), которым командовал итальянец Фрапполи. До конца военных действий поляки несли сторожевую службу в Альпах.

Поскольку не удалось создать самостоятельное польское военное соединение, польские эмигранты вступали во французские части. Многие из них воевали в Вогезской армии под командованием Гарибальди, в батальонах вольных стрелков Парижа, в отряде вольных стрелков Восточных Пиренеев. В боях участвовало свыше 100 недавних учеников эмигрантских польских школ — Батиньольской и Монпарнасской. Прославился командир Первой бригады Вогезской армии генерал Ю. Гауке (Босак), который 21 января 1871 г. пал под Дижоном, а также защитник Шатодьена поляк по происхождению генерал Э. Липовский. Многие эмигранты погибли в боях или попали в плен⁶.

Поляки сражались и в германской армии. Познанские полки из Восточной Пруссии сыграли в войне гораздо более значительную роль, чем несколько сот польских эмигрантов в рядах французской армии. То что в германской армии было много польских рекрутов, уже в 1870 г. возбуждало во Франции недоброжелательство и подозрительность по отношению к полякам.

Между тем поляков, служащих в германских войсках, принуждали к участию в войне против Франции. Симпатии к Франции в Познанском кня-

⁵ Ibidem.

⁶ К. *Wyczańska*. Polacy w Komunie Paryskiej. Warszawa, 1957, s. 55—60.

жестве были достаточно явными. Во время официальных торжеств, которые власти устраивали по случаю прусских побед, польское население одевало траур. Это вызывало между немцами и поляками серьезные столкновения. Симпатии польского населения к Франции были заметны даже на тех территориях, где германизация была уже довольно глубокой, например в окрестностях Гданьска. Широко было известно, что поляки в Галиции также сочувствуют Франции.

События на Рейне привели в возбуждение и поляков, живших на территории Российской империи. Французский консул писал из Варшавы 17 декабря 1870 г.: «Здесь все слои населения поддерживают Францию так, как будто сами являются французами»⁷.

Французские политики между тем сделали ставку на Российскую империю и ожидали, что русский царь положит конец победам Германии. Поэтому переговоры поляков с французским правительством не могли ни к чему привести. Напрасно Домбровский в памятной записке правительству национальной обороны снова предлагал создать польский партизанский корпус. 15 сентября он с горечью сообщал Волковскому: «Я предложил правительству создать отряд легкой кавалерии. Но он не будет создан по той простой причине, что мы поляки»⁸. Предложение поставить польский вопрос через правительство, напомнив, что 80 тыс. поляков, которые принуждены сражаться в германской армии против Франции, при виде развернутого польского знамени перешли бы на сторону Французской республики, тоже оказалось безрезультатным⁹. Владислав Мицкевич в своих воспоминаниях писал: «Поляки, находившиеся в рядах прусских войск, выслали двух офицеров (это была задача весьма небезопасная), чтобы просить правительство национальной обороны о создании не польского легиона, а хотя бы польских полков во французском обмундировании. Хотим, говорили они, чтобы наша отчизна гордилась частью славы, которая достанется на долю солдат, погибших во Франции. Правительство национальной обороны по предложению Рошфора отвергло и этот вариант»¹⁰.

* * *

О взглядах и деятельности В. Врублевского на протяжении долгих семи месяцев, от сентября 1870 г. до апреля 1871 г., мы имеем лишь отрывочные сведения. Он выжидал, рассчитывая на изменение политики французского правительства, на то, что с превращением войны в общенациональную будет создано всеобщее ополчение. Видимо, он не хотел вступать в Национальную гвардию в качестве рядового. Госпожа Даброн — хозяйка маленькой гостиницы на улице Бурсо 15, где Врублевский жил с 1866 г., показывала позднее, что «во время осады он нигде не служил, хотя предлагал свои услуги генералу Трошю, который ему отказал»¹¹. Следовательно, не только Домбровский, но и Врублевский был в плохих отношениях с бесталанной главой правительства национальной обороны. Из достаточно правдоподобного полицейского рапорта от 24 ноября 1870 г. мы узнаем, что Врублевский учил Ф. Пиа и его сообщников тому, как организуются тайные (подпольные) правительства¹².

Можно предполагать, что Врублевский сблизился с главой неоякобинцев Ф. Пиа еще ранее, в связи с той позицией, которую в сентябре заняла его газета «Le Combat» по отношению к планам создания поль-

⁷ J. W. Borejsza. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966, s. 386—387.

⁸ J. Dąbrowski. Listy, opr. R. Gerber. Warszawa, 1960, s. 113.

⁹ Об этом говорилось много раз в сентябре 1870 г. на страницах «Le Patriote», издававшегося Арманом Леви и Владиславом Мицкевичем.

¹⁰ W. Mickiewicz. Pamiętniki, t. III. Kraków, 1933, s. 15.

¹¹ Archives Nationales. 17 Conseil de Guerre, BB²⁴, 865—6997.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 109-и, оп. 2, д. 540, лл. 9—10.

ского войскового формирования. Пиа тоже был сторонником организации массового дезертирства поляков из прусской армии. Мы, к сожалению, не знаем подробностей о деятельности Врублевского на рубеже 1870 и 1871 гг., ибо он, как и накануне восстания 1863 г., сумел почти целиком скрыть свои связи. Существуют лишь некоторые косвенные свидетельства. Так, во время восстания 31 октября 1870 г. очень близкие к Врублевскому польские деятели — Ю. Токажевич и Ф. Лятковский, которые были национальными гвардейцами, отказались от участия в демонстрации своего батальона¹³. Они руководствовались, по-видимому, старой эмигрантской заповедью о невмешательстве во внутренние дела той страны, которая оказывала гостеприимство полякам. Возможно, что такой же позиции придерживался в то время и Врублевский.

Вероятно, руководствуясь теми же самыми побуждениями, Врублевский вместе с ксендами А. Бальчевским и А. Слотвинским обращался зимой 1870 г. к Я. Домбровскому, чтобы тот не выступал в парижских социалистических клубах от имени Польши¹⁴. Следовательно, Врублевский еще не утратил надежду на то, что правительство национальной обороны будет вынуждено призвать поляков на помощь.

30 января 1871 г. Токажевич записал в своем дневнике: «Встретился вчера вечером в кафе с Ярославом Д. Я его не видел все время осады. Он всегда полон замыслов, предсказывает какие-то новые бои, видит какие-то необыкновенные знаки в небе. Хороший и дельный человек, но от него даже издали слышен запах пороха... Он заверяет Интернационал, что гвардия ни в коем случае не сдастся и не прекратит борьбы»¹⁵. Двумя днями позже, 6 февраля 1871 г., Ю. Токажевич добавлял: «...Под вечер вошел ко мне хозяин, говоря, что внизу меня ждет какой-то представительный господин (*un beau monsieur*). Сбегаю вниз — Валерик, доблестный Валерик. Мать из Гродненской губернии успела ему уже прислать деньги и он припомнил, что состоит со мной в каком-то родстве и что-то мне должен... Он принес также подписанный пропуск через немецкие аванпосты и хочет, чтобы мы утром посетили Медон и Сен-Клу... Валерик, так же как и Ярослав, предполагает, что второй период войны, новая ее стадия неизбежны. По его улыбке вижу, что он до сих пор не избавился от мысли сыграть роль Наполеона I. Он обладает, правда, некоторыми чертами его характера: живостью ума, присутствием духа, широтой взгляда. Он способен быстро понять действие противоборствующих факторов и явлений, определяющих ситуацию. Но в военном деле он не может равняться с Ярославом. Притом он идеалист и имеет мягкое сердце»¹⁶. «Доблестный Валерик», как писал тогда Токажевич, в те дни «ел и спал» с картами и планами Наполеона I. Он тщательно изучал топографию Парижа и его окрестностей.

Из заметок Токажевича следует, что разногласия между Домбровским и Врублевским зимой 1870 г. были скорее тактическими, чем по существу дела. Поэтому, когда в парижских революционных клубах в 1870 г. речь шла о возможном военном перевороте, называлось имя Врублевского. Говорили также о Домбровском и о генерале Франсуа де Рошенбрюне, который был в 1863 г. предводителем добровольцев — «зуавов смерти»¹⁷. Очевидно, этот проект вышел из радикальных кругов польской эмиграции, где авторитет Я. Домбровского несколько уменьшился из-за недавнего процесса по обвинению в том, что он якобы изготавливал фальшивые царские деньги¹⁸.

¹³ К. *Wyczańska*. *Op. cit.*, s. 60.

¹⁴ А. *Slotwiński*. *Wspomnienia z niedawnej przeszłości*. Kraków, 1892, s. 176.

¹⁵ J. *Tokarzewicz*. *Szczątki pamiętnika 1871—1896*. — «*Gazeta Warszawska*», 1896, № 28.

¹⁶ J. *Tokarzewicz*. *W. dniach wojny i głodu*. Warszawa, 1900, s. 130.

¹⁷ К. *Wyczańska*. *Op. cit.*, s. 60—61.

¹⁸ J. *W. Borejsza*. *Op. cit.*, s. 391.

Польские эмигранты разделяли судьбы и настроения французской нации. 19 января 1871 г. Национальная гвардия потерпела кровавое поражение под Бюзенвалем. А накануне, 18 января, в зеркальной галерее Версальского дворца была провозглашена Германская империя. 26 февраля 1871 г. Тьер подписал в Версале прелиминарный договор с Германией. Так завершилось объединение Германии, оказавшее решающее влияние на положение Европы в последующие полвека.

1 марта в Париже состоялся организованный наспех парад победителей. Немецкие военачальники, знавшие о волнениях в Париже, на следующий же день вывели свои войска за город. По одну сторону Парижа расположились пруссаки, по другую — войска Тьера, который опасался ввести их в возбужденную столицу, переполненную национальными гвардейцами. Париж, измученный голодом, отсутствием топлива, возмущенный политикой правительства, взбешенный появлением немцев в городе, был готов восстать против Национального собрания, переехавшего в Версаль. В марте 1871 г. власти решили отобрать пушки у Национальной гвардии. Тьер хотел разоружить парижских трудящихся и отдать оружие в руки регулярных войск. Эта попытка вызвала 18 марта революцию в Париже. В результате выборов у власти оказалась Коммуна.

II

Многие поляки видели в Коммуне последний шанс на спасение Франции, на возрождение ее как демократического государства — защитника Польши. Я. Домбровский сразу же выразил свое сочувствие Коммуне. Врублевский принял решение только в начале апреля.

Убедившись после поражения экспедиции 3—4 апреля, что для успешной борьбы нужны командные кадры, Коммуна начала присматриваться к способным офицерам. Член Коммуны Ш. Жерарден начал переговоры с Домбровским. Посредником при этом был переплетчик Антоний Мыцельский — поляк, связанный с французскими радикальными кружками. Мыцельский же познакомил Жерардена с Врублевским.

Жерарден в разговоре с Врублевским сослался на мнение Домбровского, который рекомендовал своего земляка как способнейшего польского офицера. Речь шла, по-видимому, об основных целях внешней политики Коммуны: о защите республиканского строя, борьбе с немцами. Маловероятно, что Жерарден якобы грозил Врублевскому смертью, если он отклонит сотрудничество¹⁹.

В военно-политической анкете Врублевского, датированной 7 апреля 1871 г., читаем, что ее автор «заверяет военного министра (Клюзере.— Е. Б.) в лояльности и передает себя в его распоряжение, представляя ему план операции против версальской армии»²⁰. Это был план наступления. Вызванный на заседание Коммуны, Врублевский изложил свои взгляды. Члены Коммуны сказали ему: «Но буквально то же самое нам говорил Пиа». «Ничего удивительного,— ответил Врублевский.— ибо несколько дней назад я послал ему памятную записку по этому вопросу»²¹. Вероятно, Пиа был одним из немногих французских революционеров, которого Врублевский знал задолго до этого. Даже дипломатический представитель царского правительства в Париже кое-что слышал об этом, ибо

¹⁹ *M. Vuillaume. Mes cahiers rouges. Paris, 1908—1912, t. X, p. 85—87; K. Wyszaińska. Op. cit., s. 94, 98.*

²⁰ См. копию анкеты, сделанную в 1879 г. Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

²¹ Сообщение Лиссагарэ. Цит. по: *B. Limanowski. Szermierze wolności. Kraków, 1911, s. 268.*

в своей характеристике Врублевского писал: «Сотрудничал с социалистическими газетами «Combat» и «Vengeur»»²².

Некоторые коммюны проливают свет на мотивы присоединения Врублевского к коммунарам. Генрик Гершинский (эмигрант 1863 г., врач на службе Коммуны, а позднее, на рубеже XIX и XX в., известный деятель польской эмиграции) изложил эти мотивы так: «Для подлинного демократа, который искренне и по-настоящему стремится к решению крестьянского вопроса, социализм является не более чем дальнейшим развитием мысли о революции и прогрессе. Так что в 1871 г., когда пролетариат Парижа, угнетаемый, с одной стороны, пруссаками, а с другой — собственной буржуазией, встает на борьбу с версальским правительством, Врублевский, не колеблясь, становится во главе народной армии и борется во Франции за права рабочего так же, как в Польше боролся за права крестьянина»²³.

Позже Гершинский добавлял: «...Коммуна и Центральный комитет Национальной гвардии не разбирались в военной стратегии и тактике. Они искали офицеров и командиров между иностранцами, находившимися в то время в Париже. Тогда были присвоены генеральские звания Ярославу Домбровскому и Валерию Врублевскому. Оба они не принимали участия во франко-прусской войне и не имели понятия о беспорядках, которые господствовали в батальонах Национальной гвардии. Но они твердо знали, что противная сторона, т. е. версальцы, не располагала крупными военными силами, ибо почти вся французская регулярная армия находилась в плену после Седана и Меца... Между тем Коммуна полагала, что она будет править Францией и установит порядки в духе республиканском и социалистическом»²⁴.

Сын Адама Мицкевича — Владислав Мицкевич был убежден, что Врублевский — «мужественный и честный человек, но совершенно лишенный политических понятий, что он не разбирался во внутренних спорах Коммуны и остался чуждым всяким раздорам внутри революционных партий»²⁵. Такое мнение подтвердил отчасти и активный деятель партии «Пролетариат», впоследствии известный социолог Людвик Кшвицкий. Он вспоминал: «Почтенный пан Валерий! Припоминается мне встреча с ним в Женеве в 1884 г. Генерал Коммуны вызывал во мне глубокое уважение, но когда я пытался выяснить у него суть интересовавших меня вопросов (речь шла об идейных различиях в представительных органах Парижа в 1871 г.), то ничего не мог узнать. Но зато Врублевский как о крупнейшей акции рассказал о том, что ему было поручено снять с верушки Пантеона крест, который был признанной эмблемой старых времен и старых взглядов. Эта задача была решена быстро и четко: на площадь вытащили пушечку, и подвернувшиеся канониры начали стрелять в него, как в мишень. Почти каждого своего соотечественника, с которым ему приходилось говорить, Врублевский угощал этим рассказом»²⁶. И вместе с тем Кшвицкий указывал, что Врублевский был человеком решительным и хорошо ориентированным в политических вопросах.

Врублевский и большинство его товарищей были людьми действия. Они были еще мало знакомы с идеологической борьбой французских революционеров и считали, что первая и главная задача — победить.

В огне борьбы не было времени ни для размышлений, ни для ча-

²² Окунев из Версаля — Шувалову, 8 мая 1871 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1871, оп. 469, д. 93, л. 258.

²³ Głierszyński Henryk]. General Walery Wróblewski. Paryż, 1900, s. 6—7.

²⁴ H. Gierszyński. O udziale Polaków w Komunie Paryskiej 1871, o śmierci generała Komuny Dąbrowskiego. Рукопись в собрании Литературно-исторического общества в Париже.

²⁵ W. Mickiewicz. Op. cit., t. III, s. 38.

²⁶ L. Krzywicki. Wspomnienia, t. II. Warszawa, 1958, s. 74—75.

стых встреч с членами Коммуны. Я. Домбровский имел несомненно более широкий круг знакомых во Франции и принимал некоторое участие во внутренних делах Коммуны. Врублевский сосредоточился на военных воях. Он был мало известен политическим руководителям Коммуны. Позднее Вайян напишет полякам: «Из всех ваших соотечественников, которые приняли участие в боях Коммуны, я более всего уважал и любил Врублевского. Увидеть его, узнать и оценить все его достоинства я мог только во время эмиграции в Лондоне. И как же я тогда с моими друзьями жалел, что из-за своей скромности он всегда держался вдали от Ратуши, и поэтому мы во-время не поняли, что именно ему следовало бы поручить общее военное руководство. По свидетельству всех, кто высказался о способности Врублевского использовать предоставленные в его распоряжение силы, это позволило бы избежать военных ошибок и версальцы не застали бы нас врасплох и не подступили бы к Парижу». Вайян, вероятно, знал о мотивах перехода Врублевского на сторону Коммуны и потому подчеркивал, что он «был подлинным интернационалистом и боролся за дело международной революции и пролетариата»²⁷.

Мнение Вайяна о военном таланте Врублевского не является исключением. Известный деятель и историк Коммуны Лиссагаре подчеркивал, что Врублевский был человеком более практичным, чем Домбровский²⁸. Врублевский сумел завоевать себе признание и уважение французов. В отличие от Домбровского он избегал конфликтных ситуаций.

Переход Врублевского на сторону Коммуны оказал большое влияние на польскую эмиграцию. Он повсюду был известен как человек неподкупной честности и безошибочного чувства меры. Представляется, что пример Врублевского имел для эмигрантской общественности большее значение, чем позиция Домбровского. К. Вычаньская в своей книге об участии поляков в Парижской Коммуне обращает внимание на то, что решение Врублевского повлекло за собой «массовое присоединение поляков к революции»²⁹.

В штабе Врублевского и вообще среди его подчиненных было много поляков. Начальником штаба стал двадцатипятилетний Ю. Розвадовский — предприимчивый и очень способный человек, воспитанник артиллерийского и инженерного училища в Меце, произведенный 17 апреля в полковники³⁰. Среди поляков, которые находились под командованием Врублевского, были А. Бонольди, А. С. Каменецкий, А. Кобоско, А. Мыцельский, А. Верницкий³¹.

Врублевский руководил созданным в апреле 1871 г. Польским социал-демократическим комитетом, который занимался формированием батальона вольных польских стрелков. Его организаторами были Е. Компанский, К. Турский и Бернацкий. «Турский и Компанский, — вспоминал впоследствии Гершинский, — отправились к властям Коммуны и предложили сформировать польский легион, заверяя, что множество поляков сразу же в него вступит. Делеклюз и другие влиятельные в Коммуне лица зная поляков как хороших солдат, приняли их благосклонно и согласились на создание легиона, не уточняя, кто именно будет его организовывать. Было назначено вербовочное бюро, а для размещения добровольцев отвели казармы военного училища. Двух организаторов и завербованных добровольцев заверили, что они будут получать такое же жалованье, как национальные гвардейцы. На стенах домов появились афиши,

²⁷ Письмо Вайяна от 10 августа 1908 г. — «L'Humanité», 12.VIII 1908.

²⁸ P. Lissagaray. Historia Komuny. Warszawa, 1950, s. 292.

²⁹ K. Wyczańska. Op. cit., s. 94.

³⁰ О нем см.: H. Gierszyński. O udziale Polaków... Archives de la Préfecture de Police à Paris E₁₀₄^a2; Archives Nationales, BB²⁴, 865—6772; K. Wyczańska. Op. cit., s. 182;

J. W. Borejsza. W kręgu wielkich wygnańców 1848—1895. Warszawa, 1963.

³¹ K. Wyczańska. Op. cit., s. 95.

призывающие поляков вступать в легионы»³². Их подписали Турский и Компанский. Польский батальон в войсках Коммуны был немногочисленным³³. Большинство поляков служило в обычных батальонах Национальной гвардии.

В специальной монографии об участии поляков в Парижской Коммуне указано, что их было около 400³⁴. Царский дипломат писал о 600 польских участниках Коммуны. В. Мицкевич на основе собственных наблюдений заявляет, что их было 700 человек³⁵. Современные французские историки полагают, что польских участников Коммуны было около 600 и они, после бельгийцев, составляли наиболее многочисленную группу иностранцев³⁶. Благодаря той роли, которую поляки играли как военные руководители и организаторы, история Коммуны в сознании современных людей неразрывно связана с их именами.

Весь комплекс причин, привлечших польских эмигрантов на сторону Коммуны, может быть очерчен следующим образом. Во-первых, они думали, что таким способом смогут приблизить воссоздание независимой Польши. Во-вторых, к борьбе на стороне народных масс Парижа их склоняли демократические убеждения и общность взглядов. Некоторые поляки, хотя их было немного, переходили на сторону Коммуны как социалисты; они брались за оружие, так как и до этого сотрудничали с теми французскими деятелями, которые встали у руля Коммуны. Некоторые польские эмигранты пришли к участию в Коммуне из-за отсутствия средств к существованию.

После падения Коммуны польских офицеров обвиняли в том, что они не отдавали себе отчета в собственных действиях. Отвечая на эти обвинения устами Теофиля Домбровского, брата Ярослава, они свидетельствовали: «...Принимая участие в парижском движении, мы хорошо знали, что делаем. Как люди тех же самых политических убеждений, какие провозглашала Коммуна, мы были обязаны голосом совести защищать эти принципы. Но цель наша не сводилась к защите наших убеждений, речь шла о большем. Как поляки, мы всегда смотрели на все политические и социальные вопросы с польской точки зрения. Первой нашей мыслью и вопросом всегда было: какую пользу это может принести Польше? И вот, присоединяясь к парижской революции, мы видели в ней социальную революцию, которая в случае успеха может перевернуть весь порядок вещей, ныне существующий в Европе. Могла ли при этом Польша что-либо потерять? Нет. А выиграть? Все»³⁷. Домбровский писал эти слова в период наиболее тесных контактов с Врублевским, когда жил вместе с ним в Лондоне. И если в марте 1871 г. взгляды Врублевского и его товарищей еще не были столь четкими, то в огне борьбы за Коммуну они несомненно приняли именно такую форму.

Взгляды ведущих польских участников Коммуны, как накануне 1871 г., и в более позднее время таковы, что отдельные мероприятия и основные реформы Коммуны целиком соответствовали их существу. Поляки считали, однако, что слишком много времени тратится на дебаты, на бесплодные дискуссии, вместо того чтобы атаковать версальцев и использовать деньги, находящиеся во Французском банке.

³² H. Gierszyński. O udziale Polaków...

³³ K. Wyczańska. Op. cit., s. 94.

³⁴ Ibid., s. 76.

³⁵ J. W. Borejsza. Emigracja polska..., s. 390.

³⁶ J. Bruhat, J. Dautry, E. Tersen. La Commune de 1871. Paris, 1960, p. 224. Полный список поляков — участников Коммуны — до сих пор не составлен. Дальнейшего изучения с этой точки зрения заслуживают помимо других материалы военного министерства в Париже и документы в ЦГАОР СССР об эмигрантах, которые в последние годы возвращались на польские земли.

³⁷ «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей» (далее — ИППМ), т. III. М., 1958, стр. 1026.

Накануне Коммуны Я. Домбровский в реферате «Трошо как организатор и главнокомандующий» подчеркнул, что Париж может «поставить вооружение для 500 тыс. солдат, а ресурсы парижских капиталистов, банка и церковных имуществ позволят покрыть все расходы, не прибегая к чрезвычайным мерам»³⁸. После падения Коммуны Т. Домбровский повторил приведенную формулировку. Следуя типичному для польских коммунаров взгляду на причины поражения народных масс Парижа, он заявлял: «Кто мог предвидеть, что эта революция, располагающая средствами, каких доньше не имела ни одна революция (200 тыс. вооруженных солдат, 800 пушек, огромные запасы вооружения, достаточные для ведения войны в течение нескольких лет, и более 2 млрд. наличными в банке, не считая иных капиталов, принадлежавших различным классам), кто мог предвидеть, что с такими средствами революция из-за полной неспособности людей, руководивших ею, через два месяца придет к такому печальному концу»³⁹.

III

В первые дни своего существования Коммуна имела решающее превосходство над войсками противника. Формально Национальная гвардия насчитывала около 80 тыс. бойцов в полевых батальонах и примерно 114 тыс. гвардейцев гарнизонной службы, всего почти 200 тыс. человек. Правительство Тьера, поспешно покидая Париж, оставило в руках Коммуны свыше 400 тыс. ружей, 1740 орудий и запасы снаряжения. И даже если учесть, что реально войска Коммуны включали только 25—30 тыс. национальных гвардейцев, что в дело было пущено только 320 орудий, то сразу после 18 марта Версаль ведь не располагал и 20 тыс. солдат; только подтянув резервы из провинций, он сосредоточил в конце марта 65 тыс. солдат. Но и с этими силами Версаль еще не пытался одолеть Коммуну. Лишь после 8 апреля, когда Ж. Фавр от имени версальского правительства заключил соглашение с немецким командованием, по решению которого в армию Тьера влились французские пленные из-под Седана и Меца, версальская армия начала быстро усиливаться и в мае 1871 г. достигла 130 тыс. человек⁴⁰.

Использование всех сил Национальной гвардии зависело прежде всего от умения руководителей. Г. Гершинский вспоминал: «Национальная гвардия на бумаге состояла из двухсот с лишним батальонов, и, если хотела, то слушалась своего Центрального комитета и посланцев Коммуны. Однако же, когда какой-либо офицер не нравился или был слишком суровым и требовательным в отношении дисциплины, его смещали и выбирали на освободившееся место более покладистого. Так что в момент провозглашения Коммуны в редком батальоне командовал человек, обладавший перед войной чином выше сержанта... Говоря о некомплектованных батальонах Национальной гвардии, нужно отметить, что батальоны эти едва на одну треть состояли из тех, кто служил Коммуне по убеждению, а остальные были бедняками, которые оставались в строю со времени осады Парижа, так как Коммуна продолжала выплачивать им жалованье по полтора франка в день, да еще делала кое-какие надбавки женатым и имеющим маленьких детей. А это было существенно в условиях сплошной безработицы. Но при этом получалось, что если коман-

³⁸ J. Dąbrowski. Trochu jako organizator i wódz naczelny. Warszawa, 1955, s. 9.

³⁹ ИППИМ, т. III, стр. 1030.

⁴⁰ Авторы одного из последних исследований о Коммуне говорят даже о 170 тыс. (см. J. Bruhat, J. Dauiry, E. Tersen. Op. cit., p. 320—326). Об армии Коммуны см. также: G. Bourgin. La Guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1938, p. 322—330; M. Leczyk. Siły zbrojne Komuny Paryskiej i rola Polaków w ich organizacji. Warszawa, 1964, s. 40.

дующий участком добивался и получал несколько батальонов, то перед ним из каждого батальона представляло немногим более ста человек, хотя в списке на получение жалованья и провизии для семей значилось по тысяче фамилий». И тем не менее, подчеркивал Гершинский, «Врублевский и Домбровский приняли свои командные посты вполне серьезно»⁴¹.

Сменявшиеся военные делегаты Коммуны — профессиональные военные Г. Кюзере и Л. Россель отдавали себе отчет в плачевном состоянии командных кадров. Произведенный в генералы Г. Флуранс погиб в неудачной атаке 3 апреля. Другой генерал Э. Эд, по мнению Росселя, более всего занимался собственной безопасностью, а с военным искусством знаком не был⁴². «Персонал военного министерства, — замечал Россель, — складывался сначала из нас с Кюзере и двух-трех забияк, составлявших свиту Кюзере. Я создал бюро, вербуя малоподготовленных людей, предлагавших свои услуги...»⁴³ Парижским гарнизоном командовал бесталанный генерал Жюль Бержере. Взбешенный его бездеятельностью, Кюзере писал о Бержере: «Не занимался он ничем иным, кроме парадов, еды и сочинения донесений для Коммуны, в которых... заявлял: Избранники народов, совещайтесь спокойно, я за всем наблюдаю и все предотвращаю. На деле он ничего не предотвращал и сумасбродства умножал глупостью... Я его снял и заменил Домбровским»⁴⁴.

Кюзере издавна не любил поляков. Известный своими пристрастными суждениями, он оставил о них много нелестных отзывов; против Домбровского он тоже был предубежден. Между ними существовало острое соперничество, и Кюзере не признавал у Домбровского способностей к руководству крупными войсковыми соединениями. Несмотря на это, военный делегат признал, что, обороняя Нейи, Домбровский совершал чудеса. «В моем длительном общении с людьми, профессия которых основывается на энергии, — писал Кюзере о Домбровском, — я мало встречал таких деятельных, как он»⁴⁵.

Интересно сопоставить с приведенным высказыванием мнение Кюзере о Врублевском. Это, писал он, — «лучший из генералов Коммуны после Домбровского и Ла-Сесилиа... Он достаточно знал свое дело и хотя имел еще меньше сил, чем другие, справлялся со всеми задачами, никогда не досаждая мне, как его коллеги, бесплодными жалобами, которые являются признаком слабости в командовании...»⁴⁶

По свидетельству как коммунаров, так и их противников, поляки дали революции самых лучших командиров. В конце апреля Ю. Токажевич сообщал из Версаля своему земляку К. Залескому: «Домбровский чрезвычайно популярен у коммунаров. Где бы он ни появился, раздаются крики: «Да здравствует Польша!» В Версале отдают ему должное за то, что бьется как лев, хотя внешность имеет мушиную... Врублевский очень энергичен. Домбровский — главнокомандующий. Управление в руках поляков»⁴⁷. Речь шла о военном управлении.

Лиссагаре писал о генерале Коммуны Врублевском: «В середине апреля командование участком от Иври до Аркюэй было доверено Врублевскому, одному из лучших офицеров польского восстания 1863 года, молодому человеку с основательными военными знаниями, отважному, систематичному и быстрому, умеющему использовать все и всех. Он как нельзя лучше подходил для командования новыми формированиями»⁴⁸.

⁴¹ H. Gierzyński. O udziale Polaków...

⁴² Rossel. Papiers posthumes recueillis et annotés par Jules Amigres. Paris, 1871, p. 132.

⁴³ Ibid., p. 103.

⁴⁴ G. Cluseret. Mémoires, t. I. Paris, 1887, p. 163.

⁴⁵ Ibid., p. 163, 165, 169—170, 174, 244 et suiv.; J. W. Borejsza. Emigracja polska..., s. 308—309.

⁴⁶ Ibid., p. 175.

⁴⁷ Ю. Токажевич — К. Залескому от 26.IV 1871, ВJ, 9238, III, лл. 117—118.

⁴⁸ P. Lissagaray. Op. cit., s. 223.

17 апреля Врублевский донес, что один из двух эскадронов кавалерии, которые ему было поручено сформировать, будет готов через 3—4 дня. Вербовку проводил начальник штаба Врублевского Розвадовский в главной квартире генерала в Елисейском дворце, откуда завербованных по несколько человек, уже обмундированных, отправляли на ближайший участок фронта к Жантйи. В кавалерии, которую формировал Врублевский, служило, по-видимому, много иностранцев⁴⁹.

19 апреля Врублевский приказал командующему 14-ым легионом выслать 500 человек для усиления подчиненного ему редута Мулен-Сакэ, который защищал одну из главных дорог, ведущих из Вилльжюиф к Парижу. 22 апреля войска Врублевского отбили атаку на Вилльжюиф⁵⁰. В ночь с 22 на 23 апреля Врублевский инспектировал форт Иври. Очевидец сообщал: «Врублевский со штабом (в котором начальником Розвадовский, а офицерами Навроцкий, Свидзинский, Шлезьер, Верницкий и др.) в 11 часов подъезжает к форту Иври. Постов и охраны — никаких. Полная тишина. Тогда коммунары, как средневековые рыцари, начинают искать главные ворота. Никакого ответа. Наконец, после долгих усилий, прибегает страж и заспанным голосом спрашивает:

— Кто там?

— Разведка.

— А почему так поздно?

Врублевский просто лопался от злости. Ворота открылись. Стали спрашивать стража о пароле — он не знает, что это такое. Входят к командиру, поднимают с постели маршевый батальон Национальной гвардии. Всеобщее изумление, которое закончилось арестом коменданта форта»⁵¹. Врублевский всячески стремился превратить батальоны Национальной гвардии в дисциплинированное войско.

По-видимому, уже 24 апреля Кюзере передал Врублевскому командование всеми частями на левом берегу Сены. В тот же день Россель отдал приказ коменданту редута От-Брюйер подчиняться приказам Врублевского⁵².

27 апреля состоялся военный совет, в котором участвовали Россель, Жерарден, Домбровский и Врублевский. Домбровский обрисовал военное положение как чрезвычайно критическое и заявил, что единственный выход состоит в установлении военной диктатуры и в том, чтобы поднять на борьбу всю Францию. Жерарден высказался за создание Комитета общественного спасения⁵³. Вскоре эта мысль была одобрена Коммуной. Но это лишь увеличило число военных властей. По военным делам отдавали распоряжение четыре инстанции: Совет Коммуны, военный делегат Коммуны, Центральный комитет Национальной гвардии и подчиненные ему подкомитеты в округах; наконец, Комитет общественной безопасности. Много времени тратилось на организацию и реорганизацию военных властей, на издание и отмену различных приказов.

Тем временем с середины апреля версальские войска перешли в наступление. На южном фронте их главной целью стало овладеть фортом Исси. Здесь действовал 2-й корпус версальской армии под командованием генерала де Сиссэ (Cisse). В ночь с 29 на 30 апреля коммунары, почти полностью отрезанные от парижских оборонительных линий, вынуждены были отступить. Однако после полудня 30 апреля форт был снова занят коммунарами. Именно в эти дни Врублевского назначили командующим всех южных фортов.

⁴⁹ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ю. Токажевич — К. Залескому от 26.IV 1871, ВJ, 9239, III, лл. 117—118.

⁵² Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁵³ К. *Wycańska*. Op. cit., s. 103.

30 апреля с поста военного делегата Коммуны был снят Ключере. Коммуна назначила на его место прежнего начальника штаба — Росселя, офицера выдающихся способностей, но не сумевшего надлежащим образом понять настроения революционного Парижа.

30 апреля Врублевский потребовал подкреплений, опасаясь новой атаки версальцев⁵⁴. 1 мая в атмосфере, созданной «делом Исси», на заседании Коммуны раздались выступления против Врублевского. Одного из его подчиненных обвиняли в невыполнении обязанностей и неподчинении приказам. Горячо вступился за Врублевского Жерарден. Он заявил: «...Обязанности любых чинов могут быть выполнены только в том случае, если посредствующие чины также выполняют свои обязанности. Выходит, что если бы генералу Врублевскому пришлось командовать 10 000 национальных гвардейцев, ему приходилось бы отдавать 10 000 приказов. Мне непонятно, как можно нападать на людей, которые великодушно предложили вам свою помощь и работают дни и ночи; если южные форты не были захвачены врасплох, то именно благодаря этим людям. Генерал Врублевский нашел все форты оставленными на произвол судьбы; сейчас они в состоянии обороняться»⁵⁵.

Генерал Врублевский, желая быть поближе к передовым постам, переместился из Елисейского дворца в Жантйи. Некий Мёнье, бригадир полотеров в Елисейском дворце, показал позднее, что произошло это в первых числах мая. «Видел его несколько раз,— говорил Мёнье,— в генеральском кепи, но не в полной генеральской форме. Коммунары не нанесли повреждений дворцу»⁵⁶. Врублевский тщательно следил за порядком и хорошими взаимоотношениями своего штаба с населением. В горячие дни майских боев, воспользовавшись, по-видимому, генеральским жалованьем, он не забыл рассчитаться с госпожой Дабюрон, которой задолжал квартирную плату за 9 месяцев.

В Жантйи свою штаб-квартиру Врублевский устроил в здании фабрики Дебре. Там он находился до 20 мая. Мэр Жантйи аптекарь Брюне показал: «Врублевский и его окружение, имея на руках декреты Коммуны, оказывали очень сильное давление на жителей окрестностей. Они мобилизовали в войска всех, кого могли застать на месте... вооруженным путем проводили разного рода реквизиции. Мне самому много раз грозил арест и отправка в Ратушу... Я лично не знал Врублевского... Генерал был почти недоступен и принимал только делегатов, опоясанных красной лентой»⁵⁷.

Госпожа Аллойе (Alloyer) из Жантйи имела случай лично познакомиться с Врублевским. Она оставила такое свидетельство: «Генерал занял фабрику Дебре, где я была привратницей. Назавтра один из офицеров пригрозил мне, что пальнет мне в лоб за то, что я недостаточно быстро открыла двери салона, и я пожаловалась на это генералу. Его штаб состоял из иностранцев, которые ели целыми ночами. Я видела его, выходящего вместе со штабом; он был хорошо одет и носил 5 или 6 галунов на кепи. Предприятию нанесены были минимальные убытки, несомненно благодаря тем жалобам, с которыми я обращалась к генералу»⁵⁸.

Из Жантйи Врублевский мог непосредственно руководить всем южным фронтом обороны. Очень беспокоило его положение Исси. В письме от 3 мая он утверждал, что сомневается в значении Исси, не имеющего качеств настоящего форта, а являющегося лишь превосходно укрепленной позицией. Одновременно он доносил: «В ночь на 1 мая с. г. я срочно послал на помощь Исси четыре пушки семифунтового калибра и боепри-

⁵⁴ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁵⁵ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. 2. М., 1960, стр. 14.

⁵⁶ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibidem.

пасы к ним. Несколько часов спустя лейтенант Каменецкий, сопровождавший их, вернулся и сообщил мне, что форт отказался их принять, причем ему весьма невежливо заявили, что форт нисколько в них не нуждается. Эти пушки были затем использованы на форте Ванв. Я с радостью констатирую, что повсюду начинает восстанавливаться порядок, что прекратилось пьянство и в ряды Национальной гвардии постепенно внедряется дисциплина. Словом, чем больше я разбираюсь в этом, тем больше прихожу к убеждению, что все зло и дезорганизация в рядах гражданской милиции имели своим единственным источником неспособность начальников»⁵⁹.

3 мая Комитет общественного спасения вопреки приказам Росселя приказал Врублевскому и Домбровскому отправиться в форт Исси. Тем временем версальцы ночной атакой заняли редут Мулен-Сакэ⁶⁰. В Париже началась паника. Врублевский поспешно возвратился в Жантйи. 4 мая он рапортовал Росселю: «В данный момент эта позиция вновь занята нашими войсками»⁶¹. Розвадовский в отдельном сообщении писал, что, если бы Врублевский не был отозван со своего участка, противнику не удалось бы неожиданной атакой взять Мулен-Сакэ. Горький опыт заставил Врублевского 14 мая назначить комендантом Мулен-Сакэ А. Каменецкого⁶².

История с Мулен-Сакэ, обусловленная неквалифицированным вмешательством Комитета общественного спасения в военные дела, вызвала трехдневную бурю в Коммуне⁶³. Сам Врублевский не имел времени, чтобы участвовать в развернувшейся дискуссии. Комментируя «дело Мулен-Сакэ», Россель характеризовал Врублевского как человека аккуратного и методичного, писал о его жалобах на то, что он получает приказы со всех сторон. Во всяком случае, заявлял Россель, присутствие Врублевского в Мулен-Сакэ если и не могло бы помешать его падению, то значительно облегчило бы последствия этого события⁶⁴.

Комитет общественного спасения без ведома Росселя издал в это же время декрет о передаче главного командования в руки Я. Домбровского. Домбровский созвал в первых числах мая военный совет в штаб-квартире Врублевского в Жантйи. Возмущенный хаосом, Врублевский сказал ему: «Если бы ты, генерал, не был назначен главнокомандующим, то я бы еще сегодня просил об отставке. Все мои призывы, все старания не помогают. Вместо присылки подкреплений, которых я давно добиваюсь, меня кормят обещаниями, а их недостаточно для борьбы с противником, обладающим десятикратным превосходством»⁶⁵. Вскоре под давлением Росселя и Жерардена Комитет общественного спасения отменил назначение Домбровского. Это вызвало соперничество и разногласия между Росселем и Домбровским⁶⁶. Коммуна не сумела создать единое, централизованное военное командование.

IV

5 мая Россель реорганизовал управление обороной, разделив ее на три части. На правом крыле во главе первой армии встал Домбровский, в центре находился Ла Сесилиа со второй армией; левое же крыло —

⁵⁹ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. 2, стр. 92—93.

⁶⁰ Там же, стр. 114.

⁶¹ Там же, стр. 113.

⁶² К. Wyczańska. Op. cit., s. 170.

⁶³ P. Lissagaray. Op. cit., p. 260—262.

⁶⁴ Rossel. Op. cit., p. 134.

⁶⁵ W. Rozałowski. Wspomnienie o generale Jarosławie Dąbrowskim. Opr. W. Bortnofski. Warszawa, 1951, s. 71.

⁶⁶ Rossel. Op. cit., p. 134.

участок фронта от Сены до реки Бьевр — было вверено командующему третьей армией Врублевскому. Врублевский потребовал, однако, из соображений стратегического характера передать Ла Сесилиа форты Ванв, Исси и Монруж. Одновременно он просил прислать снаряжение и продовольствие⁶⁷.

6 мая Россель издал приказ, по которому Врублевский получил командование над всей кавалерией, находившейся в фортах Исси и Ванв. По-видимому, в тот же день Врублевский в депеше к Росселю писал: «Имею честь донести, что в Аркюэй формируется под видом госпиталя иезуитский центр, и я немедленно предпринял энергичные шаги, чтобы его уничтожить в зародыше»⁶⁸.

8 мая началась эвакуация форта Исси. Врублевский противился этому отходу от парижских укрепленных линий. Он писал: «Подкреплений, подкреплений, подкреплений. И я приведу все в порядок. Оставление же линий является предательством. Завтра боевой дух будет восстановлен. Поддержите меня»⁶⁹.

10 мая Россель подает в отставку, а Коммуна собирается предать его военному суду, о чем говорится в афишах, расклеенных по всему городу. Недоверие к военным специалистам возрастает. Новым и последним делегатом Коммуны по военным вопросам стал Шарль Делеклюз — старый революционер, человек кристальной честности. Однако он, к сожалению, не был военным. Вся ответственность легла на плечи командующих отдельными участками обороны.

Токажевич, который с выданным Врублевским пропуском приехал из Версаля в Париж, с огромным интересом наблюдал за развитием событий. В письме к известному польскому писателю Э. Милковскому, писавшему под псевдонимом Т. Еж, Токажевич 10 мая сообщал: «Вчера виделся с Дюпоном и с Жерарденом — двумя наиболее деятельными членами Коммуны... Пиа и Делеклюз, которых видел в Отель де Виль, выглядят как скелеты... Форт Исси взят. Россель подает в отставку... Врублевский обезопасил себя, хотя и не окончательно, укреплениями Бисетра и Монружа. Канонада страшная...»⁷⁰

10 мая Врублевский приказал перебросить отряд саперов от Бисетра к форту Монруж, так как версальцы заняли соседний форт Ванв. В этот момент, пишет Лиссагарэ, «Врублевский принял командование и на участке большого Ла Сесилиа. В ночь с 10 на 11 мая он прибыл во главе 187 и 105 батальонов того 11 легиона, который до последнего дня столь много делал для обороны Коммуны. В четыре утра Врублевский появился перед укреплениями, занятыми версальцами, поднял бойцов в штыковую атаку, принудил неприятеля к бегству, взял пленных и отбил форт Ванв. Еще раз успешные действия федералистов показали, что они могут сделать при хорошем командовании»⁷¹.

Во время боев за Ванв отличился каменщик из Варшавы, повстанец 1863 г., поляк Кобоско, который добровольно взял на себя задачу пробраться под сильным артиллерийским огнем к самым стенам форта⁷². Врублевский считал, что его соотечественники должны увлекать всех своим примером, и сам он тоже появлялся в самых опасных местах.

Когда Врублевский приблизился к форту Ванв, снаряд разрушил вход в него; Врублевский чудом уцелел, заслоненный телом коня. В Ванве он в последнюю минуту спас жизнь несколькими версальским саперам.

⁶⁷ Ibidem; Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁶⁸ Rossel. Op. cit., p. 127.

⁶⁹ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁷⁰ W. Pobóg-Malinowski. «Gmina» i jej redaktor. — «Niepodległość», 1931, t. 4, s. 200.

⁷¹ P. Lissagaray. Op. cit., p. 291; Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁷² K. Wyczańska. Op. cit., s. 119, 170; W. Mickiewicz. Pamiętniki, t. III, s. 42.

которых коммунары хотели расстрелять. Один из спасенных офицеров явился позднее в версальский суд, чтобы защитить Врублевского своими показаниями ⁷³.

Врублевский пытался бороться с растущей неразберихой. 12 мая он доносил, что 239-й батальон Национальной гвардии взбунтовался, но ему удалось отослать его в окопы. В тот же день он писал: «...Отряды не прибывают; нет ни артиллерии, ни снаряжения, ни необходимых зажигательных бомб, ни 12-ти фунтовых снарядов. Буду держаться до последней минуты, но моя штаб-квартира в Пти Ванв находится уже под угрозой» ⁷⁴.

Многие эмигранты в то время были убеждены, что судьба Коммуны уже решена. Однако те, кто вступил в ее войска, не видели для себя иного выхода, кроме борьбы до конца. 12 мая корреспондент галицийского журнала «Край», скорее всего — Токажевич, писал из Версаля о польских генералах Коммуны: «Домбровский и Врублевский составляют полную противоположность. Сравним их, может быть, это будет небезынтересно для истории. Оба они невысокого роста, но если Домбровский — худой, низкий, бледный, имел прозвище Локоток, то Врублевский на целую голову выше его, о нем не раз слышались восхищенные голоса женщин: «Прекрасен и сложен, как Аполлон». Приведенную оценку не комментируем, не ругаясь за ее точность. В то же время мы хорошо понимаем, что можем позволить себе следующие дополнения: первый — светлый блондин с серыми, живыми, неустанно двигающимися глазами, а второй — темный брюнет с пронизывающе острым, горделивым взглядом, который его не безобразит, но указывает на высокомерие и самонадеянность — главные грехи литовского героя... В военном искусстве призванием и стихией являются: для первого — оборона, для второго — наступление. Один сумеет спокойно умереть на последней баррикаде, другой должен победить в первой же шальной стычке или умереть. Один — олицетворение хорошо отработанных оборонительных приемов, машина сложнейших стратегических замыслов; другой (воспользуемся здесь словами Л. Мерославского) — «пламя редчайшего ума, обвивающее меч врожденного мужества». Для обоих бедой, большой бедой является то, что под ногами у них не гранит, а песок...» ⁷⁵

13 мая Врублевский сообщает номера батальонов, занимающих Ванв. Он доносит при этом, что 121-й и 200-й батальоны выведены за отказ нести службу. Остались у него, по-видимому, лишь 24 батальона. В тот же день Врублевский пишет Делеклюзу, что передовое охранение захватило капитана версальской армии, что он приказал начальнику своего штаба рассматривать его «как пленного в цивилизованной армии» ⁷⁶. В ночь с 13 на 14 мая версальцы окончательно заняли форт Ванв.

В середине мая военное положение Коммуны стало катастрофическим, 16 мая Совет Коммуны, используя опыт Великой французской революции, назначил комиссаров, которые должны были наблюдать за командующими трех фронтов. При Валерии Врублевском комиссаром стал Лео Мелье, член Комитета общественного спасения, принадлежавший к якобинско-бланкистскому большинству Коммуны. Врублевский, дисциплинированный, как всегда, приветствует назначение Мелье ⁷⁷.

17 мая Врублевский организовал контратаку. Под артиллерийским обстрелом версальцы бегут с кладбища в Исси. Врублевский осуществляет также глубокий прорыв на левом фланге своего участка и достигает Шу-

⁷³ L. Rémy. Valérian Wróblewski. — «L'Humanité», 16.VIII 1908.

⁷⁴ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁷⁵ «Kraj», 20.V 1871; цит. по: К. Шучаńska. Op. cit., s. 112.

⁷⁶ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁷⁷ Ibidem.

ази ле Руа⁷⁸. 19 мая Врублевский пишет Л. Мелье, чтобы тот приказал обстреливать неприятельские позиции в Багне и Фонтен-о-Росэ. 20 мая Врублевский доносит, что в форте Бисетр не произошло ничего нового, а в Аркюэй арестованы доминиканцы. В донесении говорилось: «...По колокольному звону снаряды упали на дом этих монахов, несмотря на госпитальный флаг. Сегодня утром мы вывезли раненых, которые там нах цились»⁷⁹. Раздраженные неудачами национальные гвардейцы, подозревая доминиканцев в связях с Версалем, начали их расстреливать без приказа. Врублевский появился, как рассказывает Г. Гершинский, в тот момент, «когда его подчиненные были заняты одним из священнослужителей, который имел несчастье попасть в руки коммунаров, проходя какой-то боковой улочкой. Врублевский отругал их за издевательство над безоружным. Это было с его стороны шагом, требующим гражданского мужества, ибо разъяренные коммунары видели повсюду предательство и измену. Но после того как Врублевский отбил у версальцев форт Ванв, он пользовался у национальных гвардейцев настолько большой популярностью, что его послушались и священника отпустили»⁸⁰. Спасенный впоследствии выступил в качестве свидетеля по делу о доминиканцах из Аркюэй, чтобы защитить Врублевского.

V

На 20 мая версальцы наметили генеральное наступление. Положение коммунаров на южном фронте обороны, которым командовал Врублевский, было очень тяжелым. Около 40 тыс. версальцев наступало против 7—8 тыс. коммунаров. Врублевский готовил отпор на линии Монруж — Бисетр — Иври. 21 мая Делеклюз отдал приказ оставить позиции. Врублевский отказался его выполнить.

В форте Бисетр собрался военный совет в составе Л. Мелье, комиссара 3-й армии и коменданта этого форта; генерала Врублевского; майора Буго, командира войск в редуте От-Брюйер; майора Ландри, командира с баррикад в Вильжюиф; майора Каменецкого, командовавшего частями в Мулен-Сакэ; майора Кюиньона, командира 133-го батальона; майора Э. Лорена, командира 239-го батальона; майора Дени, коменданта гарнизона в Бисетре; капитана Робишона — представителя коменданта форта Иври; поручика А. Верницкого из штаба Врублевского; начальника артиллерии форта Бисетр капитана Сербурс. Таким образом, собрался командный состав армии. На совещании было принято следующее постановление: «Совет единодушно решил, что войска не покинут своих позиций, а командиры, принимая меры, вызванные положением, будут руководствоваться лишь своим патриотизмом и энергией. Р. С. Пошлите нам, пожалуйста, гражданин министр, подкрепление свежими войсками, с которыми я мог бы полностью отвечать за положение.

В. Врублевский»⁸¹.

В тот же день, 21 мая, соотечественник Врублевского — майор Каменецкий, геройский защитник Мулен-Сакэ, отказался сдать этот редут версальцам. Захваченный в плен, он был расстрелян. Несколькими днями позже такая же судьба постигла многих польских офицеров, служивших в подчинении у Врублевского. Погибли среди прочих столь близкие генералу Бональди и Верницкий.

21 мая версальцы вошли в Париж с запада, через ворота Сен-Клу. Обстановка стала безнадежной. 22 мая раненый Домбровский перестал

⁷⁸ *M. Leczyk. Op. cit., s. 35.*

⁷⁹ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁸⁰ *H. Gierszyński. O udziale Polaków. Zbiory THL.*

⁸¹ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. 2, стр. 387.

выполнять функции главнокомандующего. Вместе с несколькими офицерами он безрезультатно пытался получить разрешение выехать в Бельгию через прусские позиции. Кольцо замкнулось. С одной стороны немцы, главнокомандующий которых на просьбе раненого генерала Коммуны написал собственноручно: «Могут висеть». С другой стороны — версальцы, которые тщательно следили за Домбровским. 23 мая в безнадежной ситуации Домбровский принял на себя оборону 19-го и 20-го округов. Верхом на коне он повел роту моряков в атаку на баррикады на улице Мирра. Здесь Домбровского настигла пуля, нанесшая ему смертельную рану.

В создавшемся положении, когда версальские войска вторглись в Париж, Врублевский должен был отступить. Он приказал минировать бастионы, оставил немногочисленные команды в фортах и проинструктировал их командиров, а сам принял давно вверенное ему командование над левобережьем Сены.

23 мая, после того как противник занял Монмартр, Врублевский отправился к Делеклюзу и уговаривал его сконцентрировать все отряды Национальной гвардии на левом берегу Сены и организовать оборону в треугольнике Сена — Пантеон — р. Бьевр. С военной точки зрения это был единственно правильный план. Он позволял использовать природные условия и укрепления, обеспечивал возможность отступить из Парижа в юго-восточном направлении. Как отметил Лиссагарэ, замысел этот, вполне правильный для регулярной армии, не мог быть осуществлен потому, что Национальная гвардия все энергичнее добивалась, чтобы каждый защищал только свой район города⁸². 23 мая версальские войска продвинулись в глубь города на южном направлении. Неутомимый Врублевский действовал в 13-м округе Парижа, в мэрию которого он перенес свой командный пункт. На Бютт-о-Кай, заняв ключевые позиции между фортами и Пантеоном, он установил батарею из восьми орудий и две четырехорудийные батареи, а бульвары усилил окопами.

Госпожа Кастелян, привратница с Итальянской площади в 13-м округе, показала впоследствии: «23 мая в полночь меня разбудил господин Леконт — секретарь мэрии 13-го округа. Врублевский и два его спутника в мундирах расположились в моей комнате. Около полудня майор Серизье из 101-го батальона, подошедший к дому, обозвал двух офицеров трусами и бездельниками, сказал им, что нужно идти, так как вокруг идет бой. Они вышли, а вечером я слышала, как соседи говорили: вот генерал Врублевский, из чего заключаю, что в тот момент он еще был на площади Италии»⁸³.

24 мая защитники Бютт-о-Кай приостановили наступление версальцев. Лиссагарэ заметил по этому поводу: «Благодаря мужеству Врублевского оборонительные действия переросли там в наступательные. В течение ночи версальцы старались прощупать позиции федератов; на рассвете они начали атаку, федераты не ждали их, а бросились им навстречу. Версальцы отбили четыре атаки федератов. Четыре раза версальцы пытались продвинуться вперед и четыре раза откатывались на исходные позиции. Солдаты версальских войск теряют самообладание и не хотят выполнять приказы своих офицеров»⁸⁴. Во время обороны Бютт-о-Кай враги пытались убить Врублевского; подосланный убийца стрелял в него из дома, расположенного внутри кольца баррикады⁸⁵. Много лет спустя оборона Бютт-о-Кай легендарным 101-м батальоном будет отмечена в эпитафии на могиле Врублевского как прекраснейший из его подвигов во время Коммуны.

⁸² P. Lissagaray. Op. cit., p. 336.

⁸³ Archives Nationales, BB²⁴, 865—6997.

⁸⁴ P. Lissagaray. Op. cit., p. 350.

⁸⁵ L. Rémy. Op. cit.

24 и 25 мая коммунары оставили форты Монруж и Бисетр. Версальцы заняли их и направили огонь артиллерии на Иври и Бютт-о-Кай. 25 мая бойцы Врублевского в течение трех часов выдерживают чудовищный натиск противника. Только под угрозой окружения генерал выполнил полученный еще утром приказ «отступить в 11-й округ». Под прикрытием огня с Аустерлицкого моста Врублевский отошел за Сену, сохранив орудия и около тысячи боеспособных солдат.

В мэрии 11-го округа была резиденция Делеклюза. Он предложил Врублевскому пост главнокомандующего. «Есть ли у вас,— спросил Врублевский,— несколько тысяч людей, готовых на все?» «Самое большее — несколько сотен»,— ответил военный делегат Коммуны. Лиссагарэ позднее напишет: «Только Врублевский вместе с Домбровским были такими генералами Коммуны, которые способны были командовать крупными войсковыми соединениями. Врублевский постоянно просил о выделении ему тех батальонов, от которых все отказывались, и брал на себя труд их надлежащим образом использовать»⁸⁶.

Во второй половине дня 25 мая, после разговора с Делеклюзом, Врублевский решил бороться до конца в качестве рядового бойца. Вечером Ш. Делеклюз вышел из резиденции, чтобы найти смерть около баррикады на площади Шато-д'О. В ночь с 25 на 26 мая Врублевский посоветовал оставшимся коммунарам переодеться в гражданскую одежду и разойтись. Сам он нашел убежище в соседнем доме, где его по рекомендации одного из офицеров штаба спрятали привратница⁸⁷. Врублевский, по-видимому, участвовал в боях до последнего дня⁸⁸. Во всяком случае он оставался в Париже еще многие дни после разгрома Коммуны.

VI

В городе разыгрывались ужасающие сцены массовых расправ. Париж потерял около ста тысяч жителей, погибших в боях, расстрелянных без суда, приговоренных к смерти, высланных, изгнанных, эмигрировавших. Военный трибунал держал под арестом около 600 детей, не считая тех, которые были расстреляны сразу без приговора⁸⁹.

Победителей охватила неудержимая волна ненависти к иностранцам. Коммуну изображали как дело поляков, итальянцев, румын и бельгийцев. Правительство Тьера разжигало националистические инстинкты. Еще 16 мая «Фигаро» призывала, чтобы «все поляки... все румыны... которые два месяца властвовали над прекраснейшим и благороднейшим городом мира, вместе с их адъютантами, полковниками и иными мерзавцами в аксельбантах предстали перед военно-полевым судом и были доставлены из тюрьмы на Марсово поле, где они должны быть расстреляны на глазах собравшегося народа»⁹⁰.

Среди расстрелянных на протяжении «кровавой недели» пали десятки поляков. Остатки батальона польских вольных стрелков находились в казармах военного училища. Ю. Кучинский пытался организовать оборону, но был ранен. Г. Гершинский пишет: «Оставшиеся участники легиона, соединившись с отступающими бойцами Национальной гвардии, отошли к вокзалу Монпарнас, потом на кладбище Монпарнас, где коммунары между могилами оказали достаточно сильное сопротивление версальцам, нако-

⁸⁶ P. Lissagaray. *Op. cit.*, p. 359, 361.

⁸⁷ L. Rémy. *Op. cit.*, «Répertoire des communards proscrits français (1871)» приводит следующий адрес Врублевского: Rue d'Italie, 3, chez dr. Schatt (см. Международный институт социальной истории в Амстердаме, Парижская Коммуна, коллекция *Des-caves*).

⁸⁸ J. Bruhat, J. Dautry, E. Tersen. *Op. cit.*, p. 258.

⁸⁹ «Procès des communards». Présentées par J. Rougerie. Paris, 1964, p. 20—21.

⁹⁰ A. Dupuy. *La guerre, la Commune et la presse*. Paris, 1959, p. 122—123.

нец, на бульвар Порт Рояль. Там-то с ним соединился Врублевский с остатками своего отряда»⁹¹. Последние бойцы этого самостоятельного польского формирования были рассеяны, вероятно, 25 мая.

Во время «кровавой недели» достаточно было назвать кого-либо поляком, чтобы обречь его на верную смерть. Приведем несколько случаев, неизвестных ранее и описанных очевидцем: «Без вины расстреляли Довгелло — повстанца 1863 г.; около железнодорожного вокзала Монпарнас расстреляли сапожника Чекальского, который вышел из своего магазинчика, чтобы купить хлеба... Гуца — мелкий шляхтич из Литвы — был рабочим на Северной железной дороге, а во время осады Парижа завербовался в подразделение конных стрелков, которых использовали для рейдов на равнине Сен-Дени... После снятия осады, еще до создания Коммуны, он возвратился к своей работе на железной дороге... И вот, когда версальцы узнали, что Гуца — поляк, его выволокли из постели на улице и расстреляли против гостиницы, где он жил. Труп его лежал на улице до вечера, и только стараниями поляка — рабочего той же Северной железной дороги Гуца был похоронен»⁹².

Врублевскому помогли соотечественники. В последние дни Коммуны он спас жизнь графу В. Замойскому, бездоказательно обвиненному в организации взрыва пороховых складов в Люксембургском саду. После поражения Коммуны Замойский помог некоторым своим землякам, связанным с ней, достав им прусские паспорта⁹³. По другим данным, Врублевский получил через П. А. Лаврова от К. Маркса из Лондона прусский паспорт на имя В. Вольдемара⁹⁴. О переезде Врублевского в Лондон хлопотал Ю. Розвадовский, приехавший туда сразу после разгрома Коммуны.

Нужно было принудить Врублевского уехать из Франции. В. Мицкевич утверждает: «Врублевский совсем не прятался. Один из моих знакомых — Адам Коссаковский, рассказывал мне с волнением: «Знаете ли вы, где я видел Врублевского? В кафе «Режанс». В те времена поляки особенно часто посещали это кафе. Я сразу же пошел туда и увидел Врублевского. «Как вы можете, — сказал я ему, — появляться на виду, в кафе? Ведь вас узнают, арестуют и расстреляют. Уезжайте в Лондон». «Там, кажется, скверный климат, — ответил Врублевский, — здесь, в Париже, мне так хорошо. Меня окружают честные рабочие, здесь оберегают меня, приглашают на обеды, где так сердечно пьют за мое здоровье»⁹⁵. Описание это, вероятно, несколько приукрашенное, согласуется, однако, с другим печатным свидетельством.

Много позднее журналист спросил Врублевского: «...Каким чудом, господин генерал, вы выкрутились из этой истории без продырявленной головы?»

— Спросите у тех дураков, которые наводнили Париж. Я там совершенно не прятался, даже не менял одежды, разгуливал по улице до тех пор, пока наши не всучили мне прусский паспорт и почти насильно не посадили в вагон... Знаете, что я устроил на границе? Приезжаю туда, смотрю — на вокзале сгоняют всех пассажиров в один зал, где полицейский комиссар проверяет каждого, сравнивая с альбомом коммунаров, где мой портрет на первом месте. Показываю жандарму свой паспорт и сержусь, что он раздражает меня пустыми формальностями. Тот отдал честь и доложил комиссару — дескать, немец. Отвели меня прямо в вагон,

⁹¹ H. Gierszyński. O udziale Polaków...

⁹² Ibidem.

⁹³ W. Mickiewicz. Pamiętniki, t. III, s. 42—43; *Wierzybieta*. General Komuny. — «Krań», 1897, № 34, s. 346; Archives de la Préfecture de Police, B/a 1301. Согласно агентурному донесению от 29.VII 1874 г., из Лондона граф В. Замойский переслал Врублевскому 300 франков.

⁹⁴ И. Книжник-Ветров. П. А. Лавров в 1857—1872 гг. — П. А. Лавров. Избр. соч., т. I. М., 1934, стр. 71.

⁹⁵ W. Mickiewicz. Pamiętniki, t. III, s. 42—43.

пока закончится проверка пассажиров»⁹⁶. Действительно Врублевский только после долгих уговоров согласился оставить Париж. Лишь 12 сентября 1871 г. Энгельс из Лондона сообщил Лаврову о приезде Врублевского как о событии последних дней⁹⁷.

Все мыслящее польское общество с величайшим вниманием следило за парижскими событиями. За десять дней до падения Коммуны один из умеренных демократов во Львове, не разделявший убеждений Домбровского, заявил, что поляки из его окружения очень довольны тем, что их соотечественником является «генерал, который сумел наилучшим образом защищать Париж от самого способного в Европе генерала Трошю и умеет бить самого победоносного генерала Мак-Магона»⁹⁸. Даже противники Коммуны приветствовали как счастливое предзнаменование тот факт, что вместо Бема, Дембинского, Мерославского появились два новых генерала — потенциальные руководители будущего польского восстания. А после смерти Домбровского многие поляки и иностранцы видели во Врублевском военного организатора и вождя грядущего восстания.

После мая 1871 г. только часть эмиграции — люди, связанные с «Оте-лем Ламбер», видели в коммунарах польского происхождения горстку кондотьеров. Владислав Чарторыский и гравица в своем рабочем мемориале для Национального собрания называли Я. Домбровского более русским, чем поляком. И даже если вследствие такого заявления франко-русское сближение могло быть затруднено, все равно очень многие поляки восприняли его с величайшим омерзением. Так, А. Слотвинский, в свое время нападавший на Домбровского, теперь, после его смерти, с гордостью заявлял: «Как главнокомандующий армии Парижской Коммуны он не дал себя подкупить, проявил сильный, чисто польский характер и военные дарования»⁹⁹.

Линия раскола, наступившего после разгрома Коммуны в польской эмиграции, была нечеткой. Старый товарищ Врублевского по Представительному комитету — «белый» Б. Свентожецкий, служивший по окончании Сен-Сир в правительственных войсках, уклонился от вооруженной борьбы против Коммуны. Между тем «красный» член Комитета А. Франковский был офицером в версальских войсках и, по-видимому, по добровольному набору.

Некоторые старые демократы, ранее покровительствовавшие красным, не сумели понять Парижской Коммуны. Так, Я. Н. Яновский в написанном после разгрома Коммуны стихотворении «К польским предводителям парижского восстания», обращаясь к Я. Домбровскому и В. Врублевскому, заявлял:

О, братья, братья мои, у меня сердце сжимается,
Когда француз с осуждением произносит ваши имена,
И тем самым пятнает имя поляка.
Кто в этом виноват, спрашиваю, если не вы сами,—
Гости страны, поддавшиеся жажде преходящей славы
И вмешавшиеся неосторожно в чуждое нам дело?
Льется кровь французам и польских братьев,
А вы прославлены будете как Геростраты¹⁰⁰.

А друг автора этих строк, известный демократический деятель эпохи, предшествующей восстанию 1830—1831 гг., В. Хельтман, в противоположность Яновскому, с удивительной прозорливостью утверждал: «Коммуна

⁹⁶ *Wierzbicka*. Op. cit., s. 346.

⁹⁷ «К. Маркс. Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 213.

⁹⁸ А. Д. Бартошевич — Я. Н. Яновскому от 18.V 1871. Цит. по: *K. Wyczańska*. Op. cit., s. 157.

⁹⁹ *A. Słotwiński*. Op. cit., s. 187.

¹⁰⁰ Biblioteka Jagiellońska, rkps. 3685, k. 105.

права, заявляя, что настоящая революция является концом старого государственного и религиозного мира, концом милитаризма, бюрократии, спекуляции, монополий и привилегий, т. е. того, что превращало пролетариат в невольников. Ошиблась Коммуна только во времени. Идея не была еще достаточно разработана и распространена, а попытка начать внутреннюю борьбу во время иностранного нашествия — это всегда крупная политическая ошибка. Поэтому сейчас Париж будет побежден, но его идея останется непобежденной. Она снова возникнет в более ясной и доступной форме и вызовет новую кровавую борьбу. Возможно, ее снова победят, но уничтожить не смогут: будет отсрочена только ее окончательная победа. Борьба же будет длительной, мы, старики, не дождемся ее завершения, не дождутся его и те, кто помоложе нас»¹⁰¹. В. Хельтман умер в 1874 г., но Врублевский дождался новых боев — революции 1905 г.

Многие старые знакомые Врублевского, далекие от идеалов Коммуны, не осуждали его. 26 мая 1871 г. почтенный Ю. Б. Залеский попытался: «То, что вы узнаете от соотечественников о судьбе Домбровского, Врублевского и т. п., сообщайте нам с любой оказией. Оба, по крайней мере, благородно погибли на баррикадах...»¹⁰² В борьбе за идеалы далекого будущего польские коммунары остались до конца верны тому кодексу чести, которого придерживалась передовая общественность в XIX в.

Польская общественность осудила зверства версальцев во время «кровавой недели». Многие газеты, особенно галицийские, не скрывали сочувствия и симпатий к полякам, участвовавшим в Коммуне. Слухи и печатные известия о Парижской Коммуне широко распространялись среди поляков, в том числе и на землях, которые входили в Российскую империю. Отношение к Врублевскому было неодинаковым. Царский агент в пасквильной брошюре об участии поляков в Коммуне, разошедшейся по всей Европе, описывал «зверства Врублевского-вешателя», а на Гродненщине, в приходе его матери, ксендз публично проклял генерала Коммуны. С другой стороны, среди поляков в России ходили легенды о героизме и военных талантах Врублевского¹⁰³. Я. Домбровский и В. Врублевский стали примером для молодого поколения польских социалистов, о чем многие из них, в частности Л. Кшивицкий и Ф. Кон, оставили письменные свидетельства¹⁰⁴.

Из огня боев на баррикадах Коммуны В. Врублевский вышел убежденным социалистом. Из Парижа путь его шел в Генеральный совет Первого Интернационала, к сотрудничеству и дружбе с Марксом и Энгельсом. Польский генерал Коммуны приобрел популярность во всей революционной Европе, особенно среди революционеров Франции и России. В Лондоне в 1871—1877 гг., а позднее в Женеве Врублевский принимал живейшее участие в судьбе французских коммунаров, вынужденных жить на чужбине. Многолетняя личная дружба связывала его с П. Лиссагарэ, Э. Вайяном, А. Арну, А. Авриалем и многими другими руководящими деятелями Коммуны.

¹⁰¹ В. Хельтман — Дмоховскому от 14.V 1871 г. Цит. по: *H. Luczakówna. Wiktor Heltman. 1796—1874. Poznań, 1935, s. 260—261.*

¹⁰² Ю. Б. Залеский — Ю. Окинчиковой от 26.V 1871 г. — «Korespondencja J. B. Zaleskiego», t. 4. Lwów, 1903, s. 238.

¹⁰³ *A. Belina-Młochowski. Les Polonais et la Commune de Paris, 1871, p. 101.*

¹⁰⁴ Ф. Кон. Сорок лет под знаменем революции (Воспоминания). М., 1924, стр. 7.